

что в наших странах насаждали понятие героической смерти, и, в данном случае опираясь на приведенные выше прецедентные феномены, экспрессивно иллюстрирует свою мысль.

В заключение, подводя итог, следует сказать, что в книге О. Забужко чаще всего используются прецедентные высказывания, с помощью которых автор решает разные задачи: дополняет собственный текст, иллюстрирует мысль, снижает или понижает пафос статей, использует в качестве метафоры, делает изложение эмоционально и экспрессивно окрашенным.

Употребляя в одном отрывке разные прецедентные феномены, журналистка как бы продуцирует новый текст, насыщенный аллюзиями, ретроспекциями и реминисценцией, делая повествование более ярким, насыщенным и содержательным

Вообще исследование письма, индивидуальной авторской манеры, «языка» журналиста в настоящее время представляется очень актуальным и перспективным в свете теории о том, что формирование литературного языка переместилось из художественной литературы в публицистику, на страницы СМИ.

Список литературы

1. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. – Изд-во В. А. Михайлова, 2002. – 251с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
3. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 369 с.
4. Оксана Забужко. Репортаж із 2000-го року. – К.: видавництво «Факт», 2001. – 96 с.

Сидельников В. П., Дроботенко В. Ю. О СУЩНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В свое время (XII Международный съезд славистов) О. Н. Трубачев, говоря о месте и роли современного научного направления, именуемого когнитивизмом, вспомнил метафору одного из русских лингвистов, работающего в Чехии: «Языкознание – это наука возвратов». При этом ученый приводит библейское изречение: «Бывает нечто о чем говорят: «Смотри вот это новое», но это уже было в веках, бывших прежде нас».

В какой-то мере одним из таких возвратов и является обращение современных лингвистов (и не только их) к проблеме языковой компетенции.

Запущенный Н. Хомским в научный оборот термин «языковая компетенция» получил впоследствии различные толкования, чаще всего далекие от исходного, т. е. «хомскианского». Что же было за этим термином вначале. Изначально, по Н. Хомскому, общая теория языка основывается на противопоставлении языковой компетенции и использования языка. Дж. Лайонз, известный британский лингвист, так истолковывает эти два понятия: «Языковая компетенция – это часть знаний, а именно знаний о языке, благодаря которым говорящий способен построить бесконечно много предложений, составляющих данный язык, что соответствует предложенному Хомским определению языка, как множества предложений на этом языке». И далее Дж. Лайонз продолжает: «В противоположность этому использование языка представляет собой языковое поведение, а оно в свою очередь определяется помимо языковой компетенции говорящего множеством лингвистических факторов, включающих, с одной стороны, принятые в данном обществе условности, представление об окружающем мире, эмоциональное отношение говорящего к предмету сообщения, его презумпции относительно адресата и т. д., а с другой стороны – психологические и физиологические механизмы, участвующие в процессе порождения высказываний» [2, с. 210].

Давайте задумаемся в определение этих понятий. Что же есть компетенция вообще? Согласно энциклопедическому словарю, компетенция – это знания и опыт в той или иной деятельности [6, с. 621]. О каких знаниях и о каком опыте должна идти речь, если их соотносить с понятием языковая компетенция. Знание языка – это знание правил, которые говорящий использует, строя свою речь. Знания этих правил в определенной мере основаны на врожденной языковой способности к построению и анализу тех высказываний, которые он слышит с детства. Стихийное, а затем целенаправленное обучение языку, а точнее, его устройству, собственно и формируют языковую компетенцию. И как отмечено в энциклопедическом определении компетенции, составной ее частью является опыт, т. е. приобретение речевых умений и навыков в процессе коммуникации, а точнее речевой деятельности.

Очень важной стороной, а точнее сущностной характеристикой языковой компетентности является врожденная языковая способность, которая, по мнению Клода Ажежа, «имплицитно содержится в понятии компетенции» и «что благодаря этой естественной способности ребенок в состоянии использовать модели предложений, которые он обнаруживает в речи окружающих и по образцу которых он самостоятельно строит языковые высказывания. Именно способность понимать языковые структуры заложена в нейробиологических структурах человеческого мозга, и эта способность присуща всем представителям человеческого вида и носит врожденный характер. Но при этом следует разграничивать понятие врожденной способности к языку и врожденное языковое знание: языковое знание у человека эволюционирует как в филогенезе, так и в онтогенезе, эволюционирует в направлении к наибольшей сложности, так как нужды компетенции в процессе развития человеческого общества «порождают потребность во все более сложных построениях» [3, с. 18].

Говоря о врожденной способности человека к языку, т. е. его усвоению, владению им в процессе коммуникации, нельзя обойти и тот природный фактор, как особые способности владения языком в различных сферах речевой деятельности: способности к усвоению и владению многими языками (полиглотство), искусство речи в словесном художественном творчестве, ораторское искусство, искусство дипломатической речи и др.

В этой связи в последние годы в лингвистике обозначился устойчивый интерес к языковому творчеству. Следует тут же заметить, что слово «творческий» постепенно вытесняется модным ныне словом «креативный». Хотя в отдельных случаях употребления последнего предпочтительнее в терминологии.

Так, в книге Ремчуковой Е. Н. грамматика должна именоваться именно креативной, хотя внутреннее содержание книги проникнуто идеей творчества человека в речи, опирающуюся на потенциальность грамматики, ее возможность предоставить речетворцу выбрать то, что соответствует его замыслу и его творческому потенциалу. Говорящий или пишущий, по словам Ремчуковой Е. Н., «в той или иной степени осознанно стремится творчески использовать возможности системы, нарушая предписанные нормы». И тут же в подтверждение этого тезиса приводится высказывание Золотовой Е. А.: «благодаря системе, на ее фоне мы получаем удовольствие от действительной игры слов, поэтических образов, метафор, остроумных неожиданностей» [5, с. 8].

И в этой связи в ином свете выступает понятие индивидуальной языковой компетенции. По мнению ученых, речевое творчество – это проявление прежде всего индивидуальности говорящего или пишущего, которые в процессе порождения текстов максимально используют потенциал языковой системы. Так, А. С. Пушкин не стремился к созданию новых слов. Его искусство художественной речи состоит в его гениальной способности использовать сочетательные потенции слов, способность найти нужное слово, в нужное время и поставить его в нужном месте. Пушкинское искусство найти мысль и найти ей совершенную языковую форму делает чуть ли не каждую его фразу афористичной, запоминающейся.

Проявлением высочайшего уровня индивидуально-творческой языковой компетенции является искусство метафоризации. В литературно-философском журнале ЛУ № 6 за 2006 год опубликована статья Инны Ростовцевой «Вечность как метафора», эпиграфом к которой взяты слова Юрия Олеши: «Кто-то сказал, что от искусства для вечности остается только метафора».

Обладание музыкальным слухом у композитора, особым видением красок у художника, метафорическими вспышками и озарениями у писателя – все это проявления индивидуальной прирожденности быть композитором, художником-живописцем, поэтом. Так, А. С. Пушкин не придумывает новых слов, а известные всем слова гениально до простоты вписывает в контекст, делая слово особо значимым, особо зримым, а оборот речи образным, выразительным, запоминающимся, крылатым. Слова в пушкинских словосочетаниях как бы срastaются и создается впечатление, что они так рядом идут испокон веков. И не случайно, что знаменитое пушкинское выражение «В Европу прорубить окно» (это при том, что Пушкина А. С. в Европе знают плохо, и по популярности он значительно уступает Достоевскому, Толстому, Чехову и др.) стало интернациональным. Авторы известного «Словаря крылатых выражений А. С. Пушкина» в предисловии пишут, что это выражение известно как в славянских, так и неславянских языках: «Відкрити вікно до Європи» (укр.), *Otworzyc okno na Europe* (пол.), *Fenster nach Europa zu offen* (нем.) и др. (Крылатые выражения А. С. Пушкина).

Языковая компетентность А. С. Пушкина состоит в том, что в глубинах его памяти хранились целые залежи, россыпи народных слов, бытовавших в широком обиходе, в устном народном творчестве. Поэт употребил их в новых сочетаниях, приведя в гармонию языковые формы с формами мысли. И не случайно авторы упоминаемого лексикографического сочинения отмечают, что многие ставшие крылатыми пушкинские выражения: золотая рыбка, пир во время чумы, в одну телегу впрячь коня и трепетную лань имеют прототипы в народной речи [4, с. 9]. Своеобразие метафоричности пушкинского языка в том, что в нем метафоричным является не просто слово, а сочетание, фраза. И тут невольно задаешься вопросом: «Мог ли А. С. Пушкин знать бесконечное множество вариаций словосочетаний, бытовавших в народных говорах: сказки сказывать, басни баять (смол.), балагурчики рассказывать (белом.), прототипом которых стала пушкинская фраза – сказку говорить:

...Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказку говорит?»

И логика наших рассуждений такова: если народный гений творил речевые чудеса, то и пушкинский гений был на это же способен. Пушкин А. С., говоря «научным языком», реализовал в своем творчестве потенциал, заложенный в языковой системе.

Языковая компетенция заключается в том, что человек хранит в своей памяти, а затем с разной степенью свободы воспроизводит единицы языка, его конструкции. И что касается последних (конструкций), сложных по своей структуре, т. е. состоящих из нескольких языковых элементов (слов), то они в определенной мере фразеологизированы, а потому и воспроизводимы в готовом виде. Такие соображения положены в основу *Deutsch-Russisches Satzlexikon* (немецко-русский фразеологический словарь), включающий в себя 10000 слов, которые функционируют в составе 43000 предложений, например: слово *неприятно* (*unangenehm*) подается в следующих конструкциях: это мне очень *неприятно*; мне *неприятно*, что я причинил вам столько беспокойства; как мне *неприятно* об этом говорить, тем не менее я должен об этом сказать...

Можно утверждать, что приводимые в названном словаре предложения с опорным словом представляют собой своеобразные клише, фразы (точнее этот словарь скорее фразовый, чем фразеологический). Интересны в этом отношении мысли, высказанные незаслуженно забытым глубоким лингвистом из Калининского государственного университета, где в свое время обитали В. Виноградов, Д. Благой, Д. Лихачев, Р. Аванесов, М. Панов, В. Костомаров, Ю. Степанов и входили в Лингвистическое общество, президентом которого был Роман Робертович Гельгардт, выходец первоначально из остзейских, а затем московских немцев. Ученый в одной из своих статей «Клишированные сочетания слов (беллитризм) в литературных текстах» прямо или косвенно увязывает проблему хранения и передачи по наследству языковых достижений отдельной личности с проблемой языковой компетенции. При этом ученый разграничивает понятия «наследование языка» и «передача по наследству индивидуально-поэтических форм или стилистических достижений отдельной личности». А исходя из этого, основой языковой компетенции личности является передаваемый по наследству фонд языка: словарь, грамматика, воспроизводимые в готовом виде сочетания слов, но в отличие от собственно фразеологизмов они не несут на себе отпечаток образности (последние как раз и составляют содержание немецко-русского фразеологического словаря). Вот в этот фонд, передаваемый по наследству, входят и стилистические

фигуры, и поэтические формы, «которыми располагает национальная стилистика и поэтика, входят формулы, структурные модели словесно-художественных приемов и поэтических микро-композиций (способы построения, например, анафор, гипербол, оксюморон, метафор, синекдох и проч.)» [1, с. 97]. Иной по качеству, по уровню креативности языковой компетенции являет собою фонд, создаваемый силой творческой индивидуальности языковой личности. Как пишет Роман Гельгардт: «поэтическая индивидуальность дает о себе знать, между прочим, в открытиях новых возможностей семантизации лексем и их сочетаемости, когда потенциальное становится актуальным, объективирующим образное мышление поэта» [1, с. 98]. В подтверждение сказанному ученым приводятся открытия-находки у Анны Ахматовой: оксюморонные сочетания – «Смотри, ей *весело грустить* / Такой *нарядно-обнаженной*; необычная семантизация лексемы – И окровавлены кусты / *Неспешно* зреющей рябины («Царскосельская статуя»). Несомненно, что такие речевые образцы не могут войти в общий языковой фонд, а долго, если не навсегда, будут нести на себе отпечаток индивидуальности их творца. Они никогда не станут литературными клише, а потому и будут требовать при речевом употреблении, воспроизведении ссылки на их автора.

Такие речевые образцы с индивидуальным авторством называют беллетризмами. Читая Романа Гельгардта, который размышляет над языковой природой и речевым статусом этих номинативных единиц, начинаешь осознавать, что еще до Н. Хомского были высказаны глубокие мысли о том, что есть языковая компетенция и что есть использование языка. Так Гельгардт ссылается на Л. В. Щербу, который подчеркивал, «что психофизиологическая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью есть социальный продукт. Литературные клише являются результатом того, что в одинаковых или сходных ситуациях речевого общения используются однотипные языковые конструкции [1, с. 106].

Все то, о чем говорилось выше, касалось преимущественно речевой деятельности и речевой компетенции в области литературно-художественного творчества. Однако в практике речи, то ли в момент создания новых текстов, то ли в момент их восприятия, понимания, человек ведет себя и как рядовой потребитель речи, и как творец, а потому в своей сути языковая компетенция основывается на нескольких началах:

1. Биолого-генетическое. Человек являет собой биологический вид, анатомио-физиологическое устройство которого позволяет формировать знаковую систему, какой и является язык, т. е. языковая способность заложена в человеке, в самой его природе, и эта способность передается по наследству.

2. Анатомио-физиологическое. Давно установлено, что существует особая связь между языком и левым полушарием. Дж. Лайонз по этому поводу заключает: «процесс, согласно которому конкретные функции связаны с деятельностью только одного полушария, называется латерализацией» [2, с. 223]. Процесс односторонней ориентации одного из полушарий начинается с двухлетнего возраста и завершается между пятью годами и началом полового созревания.

3. Нейро-биологическое. Как явствует из исследований нейробиологов, сенсорные стимулы, идущие от какого-либо предмета или представления, достигают коры головного мозга по путям с многочисленными ответвлениями, образующими в виде соцветий нейронов, или метаконтуров, каждый из которых соответствует определенному предмету или понятию. В таком случае каждому языковому знаку соответствует свой нейронный след того, что находит отражение в языковом сознании в виде значения [3, с. 23].

4. Биосоциальное. Биосоциальная природа человека такова, что в своем развитии ребенок сначала познает мир через ощущения, перцептивно, а потому у него уже и складывается свое чувственное видение мира. В процессе овладения речью ребенок соотносит свое первоначальное видение мира с формирующейся у него языковой картиной мира. В языковой картине мира заключено антропологическое начало познания мира. Но человек как член социума в своей языковой компетенции отражает и социо-культурную среду. Биологическое в человеке тесным образом связано и с его социальной природой. Кора головного мозга в определенной мере развивается в процессе развития человека как биологического вида, и в то же время социальная среда сказывается и на развитии нейро-физиологических особенностей человека.

5. Индивидуально-личностное. Каждый человек наделен от природы языковой способностью, т. е. усваивать язык, говорить на нем и понимать его. Но как известно, природа наделяет нас способностями не в одинаковой мере. Так, все мы можем воспринимать музыку, наслаждаться ею, но не все могут ее творить. Такова же природа творческой личности в живописи, в архитектуре, в органолептике (дегустации) и др. Несомненно, что человек наделен и разной мерой способности чувствовать гармонию слова и способностью творить, создавать речевые образцы. В этом случае понятие языковой компетенции тесным образом связано с понятием языковой личности, ибо в каждом индивидууме языковая способность реализуется особо.

И, наконец, с учетом того, что данная природой способность человека к языковой деятельности развивается и формируется поэтапно и с учетом конкретной социо-культурной среды, методическая стратегия обучения человека родному и неродному языку должна быть разной. Осознание этого в значительной мере было стимулировано обращением к самой сущности языковой компетенции.

Источники и литература

1. Гельгардт Р. Клишированные сочетания слов (беллетризмы) в литературных текстах // ЛУ. – № 5. – 2006.
2. Дж. Лайонз Язык и лингвистика. Вводный курс. – М.: УРСС. – 2004.
3. Клод Ажеж Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М.: УРСС. – 2003.
4. Мокшенок В. М. Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Фолио-пресс. – 1999.
5. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики. Монография. Из-во Российского ун-та дружбы народов. – 2005.
6. Советский энциклопедический словарь – М: Советская энциклопедия. – 1980.
7. Deutsch-Russisches Satzlexikon. В 1-3. – Leipzig, 1970.